

**Население в трансформируемом обществе:
Демографические процессы и проблемы:
Материалы круглого стола/ РАН. Ин-т междунар. экон. и
полит. исслед., Центр межрегион. и миграц. исслед.; Отв.
ред. Малаха И.А. — М.: ЭПИКОН, 2001. — 117 с. —
Библиогр. в конце отд. ст.**

Сборник подготовлен по итогам «круглого стола» в рамках осуществления исследовательского проекта «Внешняя и внутренняя миграция населения и проблема экономической безопасности». В нем анализируются актуальные проблемы развития населения РФ, включая проблему депопуляции, особенности миграции на постсоветском пространстве.

Как отмечает во вводной статье «Демографическое развитие России на рубеже столетий» руководитель центра социальной демографии ИСПИ РАН Л.Л.Рыбаковский, РФ вступила в третье тысячелетие в условиях длительного и затяжного периода депопуляции — сокращения численности своего населения, начавшегося с 1992 г. Вследствие естественной убыли населения страны (превышения смертности над рождаемостью) его численность за 1992–1999 гг. сократилась почти на 5,9 млн. человек. Однако положительный миграционный прирост (преимущественно в результате иммиграции русскоязычного населения из республик бывшего СССР) привел к тому, что реальная убыль населения оказалась вдвое ниже: фактически население сократилось всего на 2,9 млн. человек (с.8). С 1993 г. естественная убыль оставалась на стабильно высоком уровне, а масштабы и темпы сокращения численности населения стали всецело зависеть от сальдо внешней

миграции. С 1994 г. отмечается его резкое уменьшение, и к 1998 г. его величина по сравнению с 1994 г. сократилась в 2,8 раза, тем самым значительно увеличив общую убыль населения РФ. Соотношение естественного, миграционного и общего прироста в последнее десятилетие XX в. отражено в нижеследующей таблице (см. табл. 1).

Таблица 1 (с.9)

**Динамика естественного, миграционного и общего прироста
(убыли) населения РФ за 1991–1999 гг. (тыс. человек)**

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Естествен- ный прирост (убыль)	110	-207	-738	-870	-832	-818	-750	-696	-929
Миграцион- ный прирост	52	176	430	810	502	344	353	285	165
Общий прирост (убыль)	162	-31	-308	-60	-330	-474	-398	-411	-764

По оценкам автора, в стране происходит сокращение миграционного прироста: в 1999 г. он сократился в сравнении с уровнем 1998 г. в два раза (с.10). Автор подробно рассматривает режим депопуляции в России и сравнивает его с аналогичными процессами в ПРС Западной Европы. Специфика депопуляции в РФ, как в Украине и Беларуси, состоит в том, что она осуществляется под двойным давлением: во-первых, она обусловлена уникально низкой, даже по меркам ПРС, рождаемостью; во-вторых, она определяется катастрофически высоким уровнем смертности. Российские параметры депопуляции оказались в десятки раз больше, чем в группе депопуляционных европейских стран (Австрии, Бельгии, Германии).

По мнению автора, в России системный кризис подорвал экономику страны и в значительной мере разрушил социальную сферу, прежде всего здравоохранение и социальное обеспечение. В то же время непосредственное демографическое окружение России (соседство с перенаселенными государствами Центральной Азии и

Тихоокеанского региона) делает необжитые или слабозаселенные пространства страны весьма уязвимыми.

Анализу процессов демографического развития России, ее современным особенностям и перспективам посвящена статья В.А.Ионцева. Автор отмечает большую роль демографического фактора для развития огромной территории страны. Подробно анализируя действие множества факторов, определяющих развитие страны, автор отмечает, что «России явно не хватало населения» (с.15), причем нехватка населения ощущалась уже во времена Петра I и особенно Екатерины II. Автор приводит наряду с прочими компонентами численности населения показатели общего, естественного и миграционного прироста за период с 1897 по 2000 г. (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика населения России за 1897–2000 гг.

Периоды, годы	Общий прирост (тыс.)	Естественный прирост (тыс.)	Миграционный прирост (тыс.)
1897-1916	23527	24392	-865
1917-1926	2600	5100	-2500
1927-1940	17759	16960	799
1941-1945	-13812	-9953	-3859
1946-1950	5398	6505	-1107
1951-1955	9321	9991	-670
1956-1960	8500	9283	-783
1961-1965	6423	6944	-521
1966-1970	3515	4107	-592
1971-1975	3986	4180	-195
1976-1980	4338	3731	607
1981-1985	4807	3938	869
1986-1991	4869	3759	1110
1917-1991	57704	64545	-6841
1992	-31	-207	116
1993	-307	-737	430
1994	-60	-870	810
1995	-330	-833	503
1996	-474	-818	344
1997	-388	-737	349
1998	-420	-705	285
1999	-769	-934	165
2000	-751	-958	207
1992-2000	-3590	-6798	3208

Миграционный прирост определен автором с учетом сальдо миграционного обмена со странами дальнего зарубежья. Это сальдо в периоды 1927–1940 и 1951–1987 гг. было сравнительно небольшим. В частности, в 1986 г. оно составило 2,3 тыс. человек, в 1989 г. 20,4 тыс., а в 1990 г. – 102,5 тыс. человек. Особенно значительная эмиграция из России отмечалась в 1917–1925 гг., когда из страны эмигрировало более 2,5 млн. человек в страны Западной Европы, в США и прочие страны дальнего зарубежья. Всего после Великой октябрьской социалистической революции и вплоть до 1991 г. в страны дальнего зарубежья выехали почти 3,6 млн. человек (с.18). Как отмечает автор, сальдо миграции вплоть до 1890 г. для России было положительным, однако к началу XX в. становится отрицательным и остается таковым почти до конца 70-х годов XX в. В этом отношении Россия отличается от США, где чистая иммиграция вплоть до настоящего времени остается важным положительным элементом демографического развития (с.20).

Крушение мировой социалистической системы и переход к рыночным отношениям с 1992 г. совпал по времени с нарастающим убыванием населения России, несмотря на значительный миграционный прирост в период 1992–2000 гг., составивший более 3,2 млн. человек. В этот же период естественная убыль населения составила почти 7 млн. человек, а в 2000 г. достигла ежегодного уровня падения почти в 1 млн. человек. В стране имеет место серьезное ухудшение демографической ситуации, прежде всего за счет естественной убыли населения (с.25). По мнению автора, с 1993 г. Россия стала одной из немногих стран в мире, переживающей полномасштабный демографический кризис, и главная причина этого состоит в политических и социально-экономических преобразованиях 90-х годов (с.26).

Автор считает ошибочным утверждение об определяющей роли миграции в современном демографическом развитии. Действительно, международная миграция населения все более обуславливает демографическое развитие практически всех промышленно развитых стран, становится главной компонентой роста численности населения этих стран, и останется таковой в обозримом будущем. Однако наивно надеяться только на миграционный приток как на средство преодоления демографического кризиса. На деле при нарастающем демографическом кризисе международная миграция не может коренным образом изменить ситуацию, тем более в такой огромной

по размерам стране, как РФ. Она только может сгладить кризис, смягчить отрицательные демографические последствия, в определенной степени решить отдельные региональные проблемы. Ссылаясь на пример промышленно развитых стран, автор утверждает, что миграция может стать эффективным средством только в условиях депопуляции. Автор считает реальным выходом из демографического кризиса в России и условием ее дальнейшего социально-экономического развития комплексный подход, включающий стимулирование роста рождаемости или хотя бы ее стабилизацию, сокращение смертности, привлечение мигрантов, бережное отношение к человеческой жизни как главной ценности государства. Это должно быть положено в основу разрабатываемой демографической политики в целом и миграционной политики в частности (с.28).

Известный специалист в области географии населения Б.С.Хорев рассматривает проблемы депопуляции под углом зрения будущих перспектив развития России. Как отмечает автор, многие страны Европы попали, как и Россия, в полосу депопуляции, однако этому способствовала массовая эмиграция многих поколений за океан и на Восток. Устойчиво сокращается население огромной славянской популяции в Евразии, основных стран Южной Европы, Германии, стран Балтии. Как утверждает автор, мир идет по пути неограниченного развития товарно-денежных отношений, и в этих условиях не будет никакой нормальной рождаемости, а будет вымирание (с.31). Если в России не будет создано другое общество, то страну ожидает страшная участь: население Земли стабилизируется, но без русского этноса. На территории России поселятся китайцы, представители Средней и Южной Азии и других регионов. В демографическом плане десять последних депопуляционных лет дадут отзвук через тридцать последующих лет, когда уже родившиеся малочисленные поколения не смогут обеспечить нормальное воспроизводство населения, и в России будет продолжаться его сокращение. В то же время Запад, столкнувшись с аналогичными проблемами, сможет справиться с этой ситуацией посредством перекачки не только российских специалистов (стимулируя «утечку мозгов» из России), но и российских невест, а Россию ожидает реальная катастрофа. По имеющимся прогнозам российской Лиги борьбы с депопуляцией, уже к 2025 г. население РФ может

сократиться до 116 млн. человек при уровне рождаемости 2,5 промилле и смертности в 18,3 промилле, а к 2050 г. — до 80 млн. человек, а по прогнозам Госкомстата РФ — до 90 млн. человек. Со второй половины XXI в. при условии сохранения существующих тенденций может начаться второй виток депопуляции, что может привести к сокращению численности населения РФ до 45 млн. человек, а в последующие 50 лет население страны может сократиться до 26 млн., а к 2200 г. — до 14 млн. жителей (с.32–33).

В сельских районах России за годы демократических реформ численность сельского населения сократилась на 3 млн. человек. Положительное сальдо миграции, возникшее с начала демократических преобразований благодаря возвратной миграции в сельские районы, с 1998 г. вновь стало отрицательным (сальдо миграции в 1998 г. составило — 54,2 тыс. человек, в 2001 г. — 140,2 тыс., в 2004 г. — 226,4 тыс. человек, а к 2009 г. должно быть на уровне — 1 млн. человек). Деревня обречена на вырождение. По расчетам автора, при сохранении действующих тенденций сельское население как общность фактически исчезнет: в деревне будут проживать несколько миллионов человек, из которых $\frac{3}{4}$ составят олигофрены и инвалиды (с.33).

По мнению Хорева, в подобных условиях нельзя рассматривать иностранную рабочую силу как резерв для простого увеличения численности населения России. Следует решать свои собственные проблемы собственными силами, разработав систему мер стимуляции и льгот, которые должны увеличиваться по мере увеличения финансовых ресурсов страны, возможностей федерального бюджета (с.35). Миграционный прирост не сможет компенсировать уменьшение численности населения из-за превышения смертности над рождаемостью. Будет происходить дальнейшее старение населения. По мнению автора, известные для других стран механизмы компенсации убыли населения типа иммиграции и культурной адаптации в промышленно развитых странах почти неприменимы в России (с.37).

Известный специалист по вопросам демографии, профессор МГУ А.П.Судоплатов рассматривает демографические аспекты межнациональных и социальных конфликтов. Он отмечает возрастание роли демографических факторов в зарождении конфликтных ситуаций в условиях социальной напряженности, возникающей в

результате политических и экономических кризисов. В свою очередь, развитие конфликтных ситуаций может способствовать демографическим изменениям, развитию миграционных процессов. Возникновение конфликтных ситуаций, на которые в 40% случаев оказали свое влияние этнодемографические факторы, получило название «войны малой интенсивности». Такие войны приводили к существенным изменениям в размещении населения, вызывая громадные потоки беженцев, вынужденных мигрантов и оказывая кризисное, разрушительное влияние на этномиграционные процессы. Сами этномиграционные процессы играют особую роль в обострении межнациональных отношений. В условиях социально-политического и экономического кризисов получила наряду с трудовой миграцией рабочей силы развитие такая специфическая форма миграции, как вынужденные мигранты (вынужденные переселенцы). Она была следствием усиления конфронтации различных этносоциальных групп населения (с.39–40).

Как отмечает автор, в бывшем СССР исторически сложились три сферы расселения: первую образуют народы, проживающие на своей этнической территории; вторую – народы, живущие в ближнем зарубежье, в бывших союзных республиках; третью – народы, живущие в дальнем зарубежье, за пределами границ бывшего СССР. Различные народы на территории бывшего СССР имеют разное соотношение по трем группам мест проживания. Так, 82% русских проживают на своей этнической территории, 17 – в пределах ближнего и 1% – в пределах дальнего зарубежья. У азербайджанцев это соотношение определяется соответственно в 42, 7 и 51%, у армян соответственно 48, 24 и 28% (с.40). К сегодняшнему дню в РФ насчитывается, по разным оценкам, 100–130 национальностей, все из которых имеют равное право называться гражданами РФ (с.41).

В России на протяжении длительного периода происходило создание смешанных семей, особенно среди сельских жителей, что приводит к формированию у молодого поколения ценностных ориентаций и поведенческих представлений, отличных от аналогичных представлений их родителей. Изменение же поведенческих мотивов молодежи способствует повышению миграционной подвижности населения. Эта подвижность выше в регионах с преобладанием славянских народов и ниже с доминированием народов тюрко-иранской группы, отличающихся низкой

миграционной подвижностью. В подобных этнических различиях миграционной подвижности опосредствованно проявляется воздействие различий в образе жизни, семейных традиций, религий, уровня образования и т.п. Наибольший рост миграционной активности отмечается у народов с традиционно низкой интенсивностью миграции, в частности у народов тюрко-иранской группы. В некоторых случаях при экстремальных условиях этнический миграционный потенциал (население данного этноса, проживающее на определенной территории) может приближаться к численности этноса, свидетельством чего стали события в Нагорном Карабахе (с.43–44).

Один из ведущих научных сотрудников ИМЭПИ РАН И.А.Малаха анализирует особенности внешней миграции в приграничных территориях России. Автор отмечает достаточно большую интенсивность внешних миграционных потоков в приграничных регионах РФ, хотя констатирует сокращение внешней миграции населения России в целом. Эти регионы стали своеобразными «фильтрами» миграционных потоков из ближнего зарубежья. Этим потокам свойственны все основные особенности общероссийских процессов вынужденной миграции. При этом они проявляются в наиболее острой форме.

Общей чертой миграционных потоков из ближнего зарубежья независимо от географической направленности миграционных потоков в какой-либо регион России является высокий удельный вес русского населения, вынужденного по тем или иным причинам покидать насиженные места в соседних странах ближнего зарубежья. Как отмечает автор, репатриация русскоязычного населения началась довольно давно, еще до распада СССР, и стала закономерным явлением. В данном случае проявились аграрное перенаселение в республиках бывшего СССР, рост численности национальных квалифицированных кадров, рост конкуренции на локальных рынках рабочей силы. В последующий период, в 90-е годы, после распада СССР, к этим факторам добавились новые, определившие масштабы и структуру эмиграции в России. В их числе важную роль стали играть факторы, вызывающие стрессовые миграции и придающие миграции острый и вынужденный характер. К их числу относятся межэтнические конфликты, военные действия.

В 90-е годы основной поток русских репатриантов приходился на страны СНГ, где полыхали межэтнические вооруженные конфликты (Абхазию, Грузию, Азербайджан), а также на страны Балтии, где русскоязычное население испытывало враждебное отношение со стороны местных властей и представителей титульной национальности. Позднее к числу подобных стран присоединились Казахстан, Украина, Киргизия. В этот же период отмечается усиление эмиграционных процессов из различных пограничных территорий, преимущественно граничащих с европейскими странами дальнего зарубежья, — Карелии, Калининградской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Отмечается также развитие иммиграционных процессов в регионах, принимающих население из соседних и ближайших государств (в основном из стран СНГ).

Далее автор рассматривает миграционную ситуацию в отдельных регионах РФ, прежде всего в приграничных территориях. Анализ начинается с рассмотрения ситуации в Карелии, которая в силу особенностей экономико-географического положения, общности историко-культурного развития и этнической близости стала основным поставщиком рабочей силы в Финляндию. По оценкам автора, более 80% мигрантов в этом направлении выезжают по личным и семейным обстоятельствам. Этому способствуют существенные различия в уровнях жизни и социально-экономического развития Карелии и Финляндии, нестабильность политической и социальной ситуации в РФ, отсутствие реальных возможностей улучшения своего материального положения, стремление обеспечить будущее для своих детей — таковы основные факторы развития эмиграции в соседнюю страну. Фактором, стимулирующим отъезд, является наличие родных и друзей в Финляндии. Развитию эмиграции способствует также приграничное сотрудничество, которое увеличивает миграционный потенциал Карелии. Основной поток мигрантов идет из карельских городов и городских поселков. Сельское население Карелии менее склонно к эмиграции, чему способствует техническая помощь сельскому хозяйству республики, оказываемая Финляндией (с.52).

Как отмечает автор, северо-западные территории РФ (Псковская, Ленинградская, Новгородская, Калининградская области, Санкт-Петербург) стали в основном центрами притяжения иммигрантов из государств Балтии. В приграничные районы

указанных областей прибыли в большом количестве русскоязычные иммигранты, в первую очередь из Эстонии. На втором месте по числу выехавших из соседних стран русскоязычных граждан стоит Латвия, на третьем — Литва.

В то же время внешняя миграция между Россией, Беларусью и Украиной, как отмечает автор, не приняла большого размаха. Хотя три страны различаются по уровню социально-экономического развития, наличие в Украине и Беларуси значительной прослойки русского населения и этнокультурная и историческая близость русского, украинского и белорусского народов препятствуют значительному обострению национальных трений и тем самым не способствуют возникновению значительных потоков вынужденных мигрантов. В приграничных областях РФ оседает лишь незначительная часть мигрантов, а основной поток идет на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток.

Значительно более сложная миграционная ситуация отмечается в Северо-Кавказском регионе России. Этот регион традиционно на протяжении многих лет являлся ареалом притяжения как для внутренних мигрантов, так и для вынужденных переселенцев из республик Закавказья и Средней Азии. Особенно возросла эмиграция в этот регион из республик Закавказья в последнее десятилетие XX в., причем особенно привлекательными для «лиц кавказской национальности» были не национальные республики Северного Кавказа, непосредственно граничащие с государствами Закавказья (за исключением Северной Осетии), а российские края и области с преобладанием русского населения. В эти территориальные образования уже на протяжении длительного времени направляется значительный поток иммигрантов из Грузии. Однако, как отмечает автор, для иммигрантов — русских по национальности, выезжающих из Закавказья, ближайшие пограничные территории региона не являются предпочтительными. Тем не менее, по оценкам автора, на Кубань за последнее десятилетие прибыло более 1 млн. человек, что означает, что практически каждый пятый житель — мигрант. Подобной ситуации нет больше ни в одном регионе РФ (с.53). Неконтролируемая и неуправляемая миграция в регионе привела к перекосу межэтнического баланса: армяне стали второй этнической группой региона после русских, быстро растет численность турок-месхетинцев, курдов, ассирийцев, грузин, азербайджанцев.

Поскольку рождаемость у этих народов значительно выше, чем среди русского населения, в перспективе здесь, как и на Дальнем Востоке, могут произойти значительные и в целом неблагоприятные для России сдвиги в этническом составе (русские могут стать национальным меньшинством). Автор отмечает острые проблемы, связанные с прибытием и незапланированным расселением в регионе турок-месхетинцев. В регионе создана почва для межнациональных конфликтов и дестабилизации социально-политической ситуации.

Центрами притяжения мигрантов из республик Центральной Азии стали Урало-Волжский регион и Западная Сибирь. Масштабы миграции сопоставимы с аналогичными потоками на Северном Кавказе. Лидирующее положение по приему иммигрантов занимает Оренбургская область, на значительном протяжении граничащая с Казахстаном и принимающая оттуда значительный контингент вынужденных переселенцев. В Казахстане проживает более двух третей всех россиян, сосредоточенных в Центральной Азии, и из этой республики наблюдается постоянный и быстрорастущий поток мигрантов в РФ. Причиной является сложившаяся в Казахстане система социально-экономических и политических факторов, действующая как выталкивающая сила. Автор отмечает молодость иммигрантов – вынужденных переселенцев из Казахстана (среди переселенцев меньше доля пенсионеров и больше детей), более высокий уровень их образования, что создает более благоприятные возможности в плане использования их трудовых ресурсов. Однако Оренбургская область, как и многие другие в РФ, находится в состоянии затяжного экономического кризиса с сокращением промышленного производства, неразвитостью инфраструктуры для развития фермерского хозяйства. Все это ограничивает возможности занятости для вынужденных переселенцев и способствует их выталкиванию в другие регионы России, а также возвратной миграции в Среднюю Азию.

Автор отмечает довольно сложную ситуацию в приграничных регионах РФ с КНР. Для этого региона отрицательным фактором является слабая заселенность российской территории, включая приграничные районы, по сравнению с прилегающими районами Китая. Разрыв в плотности населения в приграничных районах двух государств определяется в десятки раз. В пограничных районах РФ плотность достигает 10–20 человек на кв.км на юге Приморского

края и в районах Хабаровска и Благовещенска, а на остальных участках вдоль восточной границы она не превышает 5 человек на кв.км. В то же время в соседнем Китае (Северо-Восточный Китай) она достигает 130 человек на кв.км, плюс наличие огромной резервной армии труда (7–8 млн. человек), равной численности всего населения российского Дальнего Востока. С учетом ряда аспектов российско-китайских отношений, политики открытости, различий в уровнях социально-экономического развития двух стран и жизненном уровне существуют реальные условия для интенсификации миграционных процессов из Китая и экспансии китайцев в приграничные районы. Численность китайцев на российском Дальнем Востоке в конце 90-х годов уже оценивалась в 1 млн. человек (с.57), причем официальные данные далеко не отражают истинной картины китайской экспансии. К этому следует добавить значительный контингент иммигрантов из Северной Кореи и других стран Юго-Восточной Азии. В итоге уже в настоящее время численность иммигрантов в некоторых районах Дальнего Востока в несколько раз превышает численность коренного русского населения.

Все это создает взрывоопасную обстановку на ряде приграничных территорий России, обостряет конкуренцию за рабочие места между российским и пришлым иностранным населением. Особую остроту приобретает проблема социальной и трудовой адаптации мигрантов — зарегистрированных беженцев и вынужденных переселенцев, которые являются благоприятным источником для пополнения теневой экономики трудовыми ресурсами, криминальных структур, средством давления на российский рынок труда и снижения заработной платы для россиян.

Особое место на конференции «круглого стола» заняло обсуждение проблемы международной учебной миграции россиян и выработки механизмов ее регулирования. По итогам обсуждения соответствующая статья в сборник была подготовлена Л.Л.Леденовой, сотрудником Центра экологии человека ИНХП РАН. Как отмечает автор, процесс выезда российской молодежи за рубеж для получения высшего образования и ученых степеней зарубежных университетов стал успешно развиваться в последнее десятилетие после снятия ограничений на выезд из РФ. По мнению автора, процесс получения высшего образования за рубежом можно считать позитивным явлением. Рост профессионального мастерства молодежи и ее

географическая и социальная мобильность позволяют ей в дальнейшем занять соответствующую нишу в России, обеспечивает ей возможности для профессиональной карьеры. Наши молодые специалисты получают доступ к современной технологии, получают информацию о последних достижениях мировой науки, осваивают иностранные языки и в целом получают возможность интегрироваться в международное научно-профессиональное сообщество. После возвращения в Россию наиболее талантливые и инициативные молодые специалисты могут способствовать развитию российской науки и подъему экономики.

Однако в реальности дело подготовки кадров за рубежом принимает несколько иной характер. Многие молодые специалисты после завершения образования за рубежом не стремятся вернуться на родину, а это чревато потерей для России интеллектуального потенциала. Речь идет об «утечке мозгов» в случае их невозвращения.

Многие из числа выехавших за рубеж на учебу прилагают все силы, чтобы «закрепиться» за рубежом, найти работу в университетах, научных учреждениях, в частных компаниях, в международных органах, транснациональных корпорациях. Для лиц, находящихся в отрыве от своей родины, процессы, протекающие в России, часто непонятны; молодые специалисты живут старыми представлениями о России, в основном на момент их выезда за рубеж. В то же время процессы, протекающие в России, не могут внушать оптимизм молодежи, которая сталкивается с более благополучной ситуацией в Западной Европе, США, Канаде. Молодежь не имеет представления о возможностях профессиональной деятельности в стране в условиях сокращения расходов на науку, упадка военно-промышленного комплекса, общего сокращения заказов в промышленности.

В подобных условиях стоит задача поддержания научно-технического и интеллектуального потенциала страны на фоне происходящей в стране «утечки мозгов», выработки адекватных механизмов регулирования интеллектуальной миграции.

Как отмечает автор, в России нет достоверных и тем более полных данных о характере, размерах и направлениях учебной миграции из страны. Одновременно известно, что российские студенты и специалисты разбросаны практически по всему миру. Автор, ссылаясь на данные ЮНЕСКО, определяет численность студентов-россиян, проходящих последипломное обучение (маги-

стратура и докторантура) за рубежом примерно в 13 тыс. человек (с.62). Из этого числа большинство (более 10 тыс. человек) проходят обучение в четырех странах: США, Германии, Франции и Великобритании (с.63). Согласно оценкам автора, только в США сосредоточено до 40% российских студентов, обучающихся за рубежом. В 1998/99 уч. г., согласно американской статистике, в США обучалось 6,9 тыс. россиян (с.63).

На основании социологических обследований автором был создан типичный портрет потенциального российского студента-эмигранта. Чаще всего это представитель естественно-технических и физико-математических специальностей, нежели ориентированный на гуманитарное образование. Хотя гуманитарии едут за границу даже чаще, чем «технари», им закрепиться за рубежом оказывается сложнее, поскольку именно знания в естественно-технических областях в настоящее время, по мнению автора, пользуются повышенным спросом на Западе. На Запад среди прочих категорий мигрантов устремляются самые умные, образованные, серьезные, активные и уверенные в себе молодые специалисты. Уже в процессе учебы в России они проявляют самое настоящее рвение в учебе, настроены на совершенствование профессионального образования и на высококвалифицированный труд. У них выше компьютерная грамотность, они лучше знают иностранные языки и готовятся найти для себя нишу на западном рынке труда, освоить западные требования к специалистам, западный стиль жизни. В любом случае российское общество должно проявлять большую тревогу в связи с потерей элиты российского студенчества, с превращением международной учебной миграции в эмиграцию.

Автор рассматривает предпосылки формирования высокого уровня интенсивности международной интеллектуальной миграции молодежи. По ее мнению, политика запретов и ограничений на выезд противоречит современным международным тенденциям развития. Она отмечает стремление молодежи к международным квалификационным стандартам и одновременно государственную потребность в зарубежном обучении. Знания и квалификация — актив человека и явятся главными факторами, определяющими развитие в XXI в., а международный рынок труда предъявляет высокие и возрастающие требования к индивидуальному уровню и качеству подготовки специалистов, степени конкурентоспособности знаний и

личного опыта, к культурному уровню. Поэтому молодежь стремится получить профессиональную подготовку мирового уровня, поскольку это позволит им найти широкое применение своим знаниям и получить высокооплачиваемую работу. Образовательный потенциал, молодой возраст и здоровье стали главными составляющими социального ресурса личности.

Государство испытывает растущую потребность в зарубежном обучении. Постоянно возникают новые специальности, а старые, традиционные требуют постоянного обновления в условиях внедрения новых технологий, включая информационные и телекоммуникационные. Однако специализация стала очень дорогим процессом, и многие даже промышленно развитые страны не могут позволить себе реализовать современные эффективные университетские образовательные программы по всем дисциплинам и типам специализации. Поэтому получила широкое распространение практика использования образовательных и исследовательских возможностей других стран, в которых сформировались лучшие научные школы и направления.

Как отмечает автор, уходят в прошлое такие понятия, как выезд за рубеж на постоянное место жительства, а на их место приходит свободная миграция на основе модели оптимизации индивидуального поведения. Появляется модель международного «свободно-плавающего» фонда высококвалифицированных и талантливых специалистов, мобильных и уверенных в себе, способных легко адаптироваться. Появляется категория «сильно ресурсных» личностей со знанием английского языка, компьютерных технологий, специальными знаниями, пользующимися спросом на мировом рынке труда. По мнению автора, определенная часть молодых россиян отвечает этим требованиям и критериям, а их модель поведения отвечает понятию космополитической. Для них характерен примат профессиональной ориентации перед территориальной, ориентация на хорошую работу вне зависимости от места жительства.

Далее автор рассматривает вопросы, связанные с учебой за рубежом, — цели, способы выезда, источники финансирования. Как отмечает автор, индивидуальные устремления молодых специалистов часто соседствуют с практикой посылки студентов и молодых специалистов по межправительственным программам международного обмена студентами и специалистами, а также с программой

аспирантуры совместного обучения (наличие двух научных руководителей – российского и иностранного). Для обучения за рубежом главную роль играет не материальный уровень российской семьи, а набор личных характеристик самого студента, что позволяет ему находить и привлекать внешние источники финансирования своего обучения за рубежом (с.71).

Результаты обследования российских студентов за рубежом свидетельствуют об их действительно высоком интеллектуальном и профессиональном уровне: большинство опрошенных российских студентов входят в группу сильнейших.

При выезде российских студентов на обучение за рубеж существует большая вероятность их невозвращения на родину, когда временный характер миграции переходит в постоянный. При этом часть студентов с самого начала планирует при благоприятном стечении обстоятельств остаться на чужбине, где, по мнению студентов, существуют более благоприятные условия для профессионального роста, карьеры, занятий наукой, большая зарплата – условия для развития международной миграции. Другая часть студентов, ранее планировавших вернуться домой, обнаруживает менее благоприятные условия для работы дома, для реализации своих знаний и квалификации, приобретенных за рубежом, в сравнении с местом обучения, выражает свою неудовлетворенность условиями и организацией труда на родине. Прожив несколько лет за рубежом, российский специалист плохо воспринимает социальные и экономические реалии в России, хотя условия могут существенно измениться за время его отсутствия. В этом случае опять имеет место действие выталкивающего фактора международной миграции.

Автор выделяет две группы факторов международной миграции россиян, уже имеющих практический опыт жизни и учебы за рубежом: 1) факторы, способствующие превращению временной миграции в эмиграцию (наличие и частота предыдущих визитов за рубеж вообще и в страну-реципиент в частности; продолжительность пребывания в данной стране; наличие диплома о высшем образовании и ученой степени); 2) факторы, сдерживающие превращение временной миграции в эмиграцию (языковые проблемы, недостаточный профессионализм; немолодой возраст; личные или семейные проблемы; ристрикционное законода-

тельство страны-реципиента). Молодой возраст мигранта является фактором, способствующим его невозвращению на родину (с.73).

Автор анализирует характер возвратных намерений современных российских студентов-мигрантов из-за рубежа, что должно дать представление об общей ориентации молодежи на последующую жизнь, после окончания учебы, в стране или за рубежом. Выявлены следующие стратегии миграционно-профессионального поведения: российская стратегия (жесткая ориентация на возвращение на родину, которой придерживается пятая часть опрошенных); эмиграционная стратегия (твердое желание остаться жить и работать за рубежом, 15%); промежуточная стратегия (гибкая ориентация, 65%). По мнению автора, столкнувшись с жесткой конкуренцией после окончания вуза на Западе, молодежь выберет возвращение домой, особенно если ей будут предложены более выгодные условия, чем на Западе (с.74).

Автор рассматривает основные стимулы и факторы возвратной миграции: наличие высококлассной научно-профессиональной среды, независимый свободный рабочий график, возможность быстрой профессиональной карьеры, возможность международных профессиональных контактов, зарубежных поездок, доступ к современному оборудованию, информационным и коммуникационным технологиям, долгосрочная и стабильная занятость, возможность получить работу в определенном городе России, работа в престижной фирме, возможность участия в принятии решений и выработке политики. Подавляющее большинство опрошенных специалистов готово рассмотреть и оценить эти факторы, что говорит о возможности их возвращения на родину. Однако есть значительная группа специалистов, которые не принимают во внимание ни один из указанных факторов. Ряд опрошенных специалистов считают наиболее желаемым стимулом возможность после окончания учебы на Западе выполнения краткосрочного исследовательского проекта или заключение долгосрочного трудового контракта в России. Ряд специалистов заинтересованы в получении в России гранта для начала профессиональной деятельности.

В заключение автор указывает на важность проведения в России такой политики, которая должна быть направлена

на повышение заинтересованности российской экономики в специалистах, получивших образование за рубежом; на необходимость разработки новых подходов к интеллектуальной миграции, включая разработку в перспективе специальных программ «возвращение молодых умов».

В.Г.Былов